

06.02.2025

Опубликовано

[Итальянским институтом международных политических исследований \(ISPI\)](#)

Беларусь и ЕАЭС:

Расчет на фоне геополитических сдвигов

Евгений Прейгерман

Беларусь рассматривала ЕАЭС как стратегический инструмент для достижения экономических выгод и геополитического баланса, но меняющаяся динамика частично изменила расклады. Тем не менее, ЕАЭС остается привлекательным для Минска.

С начала 1990-х годов — еще до прихода к власти Александра Лукашенко — Беларусь участвовала во всех ориентированных на Россию постсоветских интеграционных инициативах, включая Содружество Независимых Государств (СНГ), Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС). Последнее стало предшественником Евразийского экономического союза (ЕАЭС), соучредителем которого Беларусь выступила в мае 2015 года. Минск вступил в ЕАЭС из прагматических соображений, хотя и с оговорками. Он стремился использовать его для укрепления переговорных позиций с Москвой и для расширения возможностей хеджирования во внешней политике, когда геополитические реалии это еще позволяли.

Белорусская логика участия в ЕАЭС

Постоянный интерес Беларуси ко всем форматам постсоветской интеграции обусловлен как минимум двумя ключевыми факторами. *Во-первых*, распад СССР оставил экономику Беларуси в глубокой зависимости от России, больше, чем в случае других бывших советских

республик. В составе СССР Беларусь функционировала как промышленный [«сборочный цех»](#), где часто завершался производственный цикл готовой продукции. Большая часть ее большого промышленного сектора (около 60% ВВП в 1990-х годах) зависела от импортных энергоресурсов и промежуточных компонентов. Также Минску был нужен доступ к относительно низкоконкурентным экспортным рынкам. Эти потребности и давняя взаимодополняемость белорусских и российских производственных структур объясняют сохраняющуюся привлекательность для Минска двусторонней и многосторонней интеграции с Россией.

Во-вторых, белорусские амбиции по диверсификации своих внешнеэкономических связей и, таким образом, снижению зависимости от России, сдерживались с середины 1990-х годов постоянными политическими противоречиями с Западом. Эти противоречия привели к долгоиграющим западным санкциям, слабой правовой основе для сотрудничества с ЕС и глубокому взаимному недоверию между Минском и западными столицами.

В таких условиях Беларусь ставила для себя во главу угла возможности, а не риски расширенного партнерства с Москвой. И делала ставку на свои геостратегические рычаги влияния в отношении России как способ добиваться от нее выгодных условий сотрудничества. Эта стратегия требовала стабильной нормативной базы экономических отношений с Москвой, которую последняя не могла бы изменить в одностороннем порядке, и выравнивания условий ведения бизнеса (включая одинаковый доступ к энергоресурсам) для субъектов хозяйствования обеих стран. В этом аспекте ЕАЭС выглядел особенно привлекательным для Минска. В отличие от более ранних постсоветских интеграционных форматов, он [обещал](#) создание развитых институтов и правовой базы, основанных на транспарентных правилах и экономическом прагматизме.

Таким образом, в ЕАЭС Беларусь [увидела](#) шанс создать, примерно по модели Европейского союза, экономически равноправную среду и установить с помощью обязательных к исполнению многосторонних соглашений ограничители на политическую мощь России. Ожидания Минска от ЕАЭС в этом отношении выглядели идентичными тому, чего обычно добиваются небольшие государства в интеграции с более крупными экономиками.

Примечательно, что при ратификации Договора о ЕАЭС 9 октября 2014 года белорусский парламент [принял](#) специальное заявление (оговорку). Оно акцентировало, что «Беларусь добросовестно будет выполнять свои обязательства в рамках договора и предпримет иные меры по его реализации при условии, что к этому моменту будут достигнуты конкретные договоренности о снятии барьеров, ограничений и изъятий в торговле отдельными товарами и оказании отдельных видов услуг, в первую очередь в отношении энергоносителей, продукции сборочных производств, либерализации автоперевозок и других

чувствительных позиций». Более того, Минск (и Казахстан) ясно заявили о своей [решимости](#) сохранить ЕАЭС как экономический проект, а не политический.

Международный контекст и «интеграция интеграций»

Важно отметить, что ЕАЭС был создан в геополитической атмосфере, которая заметно отличалась от ситуации сегодня. Хотя напряженность между Россией и Западом уже нарастала, она все еще не препятствовала серьезному экономическому сотрудничеству, позволяя извлекать выгоду находящимся между ними небольшим государствам. Визионерская идея общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока все еще звучала как осуществимое [«партнерство по выбору»](#).

Кроме того, Беларусь и ЕС активно [нормализовывали](#) свои собственные отношения, открывая новые возможности сотрудничества для Минска. В этом международном контексте белорусское правительство воспринимало ЕАЭС не только как самостоятельную ценность, но и как потенциальный институциональный мост к более широкой общеевропейской экономической интеграции. Минск инициировал и продвигал концепцию [«интеграции интеграций»](#), полагая, что прямой диалог ЕАЭС-ЕС будет наиболее благоприятствовать тесным отношениям с ЕС.

Белорусский интерес к экономическому пространству от Лиссабона до Владивостока был очевидным. Он основывался на ожидании, что «интеграция интеграций» закрепит выгодные соглашения в рамках ЕАЭС и мультиплицирует их экономические эффекты. Количественные исследования [показывали](#), что Беларусь станет основным бенефициаром, если ЕС и ЕАЭС смогут заключить крупное соглашение о торговле. Более того, эта идея соответствовала более широкой [стратегии внешнеполитического хеджирования Минска](#), которая была направлена на минимизацию геополитической уязвимости и максимизацию геостратегических возможностей. Преодоление российско-западного раскола было ключевым компонентом этой стратегии.

Переломный момент 2020/2022 годов

Президентские выборы в Беларуси в августе 2020 года открыли [новую главу](#) во внешней политике Минска и его отношениях с Москвой, в том числе в рамках ЕАЭС. Санкции, [введенные ЕС](#) после выборов, и ответные меры со стороны Беларуси ликвидировали поле для геополитического маневра, которое лежало в основе стратегии хеджирования Минска. В результате Москва осталась практически единственным крупным партнером Беларуси. Ситуация осложнилась еще больше после вторжения России в Украину в феврале 2022 года, особенно после того, как российские войска начали наступление с территории Беларуси. Идея превратить ЕАЭС в связующее звено с ЕС теперь мертва, а многочисленные пакеты

западных санкций после 2022 года против Москвы и Минска [стали вызовом](#) также для ЕАЭС и сотрудничества между его отдельными государствами-членами.

Однако даже в этих новых обстоятельствах первоначальные расчеты Беларуси относительно ЕАЭС по крайней мере частично оправдались, что объясняет сохраняющееся желание страны продвигать интеграцию в рамках организации. Важно, что институциональные рамки ЕАЭС усилили Минск дополнительными аргументами в переговорах с Москвой о более справедливых ценах на энергоносители и доступе к огромному российскому рынку для белорусских товаров. Более того, макроэкономические исследования [показывают](#), что Беларусь также получила преимущества в торговле с другими государствами-членами ЕАЭС.

Евгений Прейгерман

Директор, Совет по международным отношениям «Минский диалог»